

Марк ЗАХАРОВ:

Друзья называли меня «Мрак Анатольевич»

Известия - 2001 - 10 июля - с. 9.

Грохот Московского кинофестиваля перекрыл голос «Кинотавра» — нашего главного национального киносмотра. Хотя в чем-то «Кинотавр» для нас важнее: в Москве российский кино не было, в Сочи состязались два десятка новых лент, есть о чем подумать. Уже устоялись впечатления и у председателя жюри Марка ЗАХАРОВА. Он ими поделился с обозревателем «Известий» Валерием КИЧИНЫМ.

— Знаете, я получил удовольствие! Все-таки такой поток российского кино я не видел давно. Чтоб купить билет и пойти в кинотеатр — этого со мной не случилось со времен «Сибирского цирюльника» и «Зависти богов». В Сочи же удалось понаблюдать над тем, что называют процессом. Еще я благодарен «Кинотавру» за то, что он помог снять стресс. У нас в связи с выпуском спектакля «Шут Балакирев» возникло много проблем, за все надо было отвечать — и перед людьми, и перед делом, и перед совестью. И вдруг свобода! Четырнадцать дней никто ничего от меня не требовал. Я отказался от положенного по регламенту второго голоса председателя жюри и мог ни на кого не давить. Мы открыто обменивались впечатлениями и дали друг другу клятву, что за пределы жюри наши суждения не выйдут. У меня есть клановый предубежденный или, возможно, принцип: о коллегах плохого не говорить. По крайней мере уклоняться от этого.

— Но вы не уклонитесь от вопроса о том, что осталось в осадке?

— Было много тревожных эмоций и у меня, и у других членов жюри, что я осторожно высказал на закрытии фестиваля и немедленно был обруган в прессе. По мнению одной газеты, я был невежлив и, вероятно, на кого-то намекал. И шли гипотезы, на кого я мог намекать.

— А на кого вы намекали?

— Этого я даже вам не скажу. Но в театре, когда пустой зал и люди не хотят смотреть твою продукцию, все становится понятно. А в кино, мне кажется, обратной связи нет. На земле более пятисот кинофестивалей, и даже если сделать очень странное произведение — а фантазии складываются не только в гениальную, а чаще в эпатажную и шокирующую, но бездарную цепочку аттракционов, — то можно где-нибудь какое-то признание получить. Всегда найдется группа людей, которые больны общими профессиональными заболеваниями, и эти недуги деформируют их сознание. Так вот, если рассчитывать на это деформированное сознание, вполне можно сделать фильм, который эта группа примет за произведение искусства.

— Вы намекаете на успех «Даун-хауса» у жюри «Кинотавра»?

— Нет, как раз к этой картине у меня отношение вполне позитивное.

— Как вы назовете это профессиональное заболевание?

— Это псевдоэлитарность, доведенная до абсурда. Когда есть семь или, может, двадцать семь человек, которые проникаются ощущением, что они поняли глубины и метафоры, строй сознания и

подсознания, недоступные людям другой интеллектуальной организации.

— Среди ваших подопечных картин были образцы такого кино?

— Я бы не хотел уточнять. Наше кино переживает тяжелый период, и, если человек сумел организовать кинопроцесс, он уже вызывает уважение. Я понимаю, что такое клановое мышление не делает мне чести. Но если придет, скажем, дочка известного актера или режиссера и, закончив театральный, захочет работать в «Ленком» — 99 процентов за то, что я ее приму. Жизнь быстро все расставит по своим местам — наше дело жестокое, а помочь собрату по профессии всегда хочется. Поэтому я не буду говорить о конкретных неудачах, а могу сказать о тенденции. Вот режиссер с оператором организуют такое тройное отражение в стеклах, чтобы фиолетовая вода медленно падала в лунном свете при восходящем солнце. Организуют и впадают в такой экстаз совместный. Или оргазм. Они в нем замирают, как страусы с головой в песке, и получают неслыханное удовольствие. Получается, что ради этого визуального эффекта все произведение и создавалось.

— Дело не новое — в западном кино такого полным-полно. В датском, в корейском тоже.

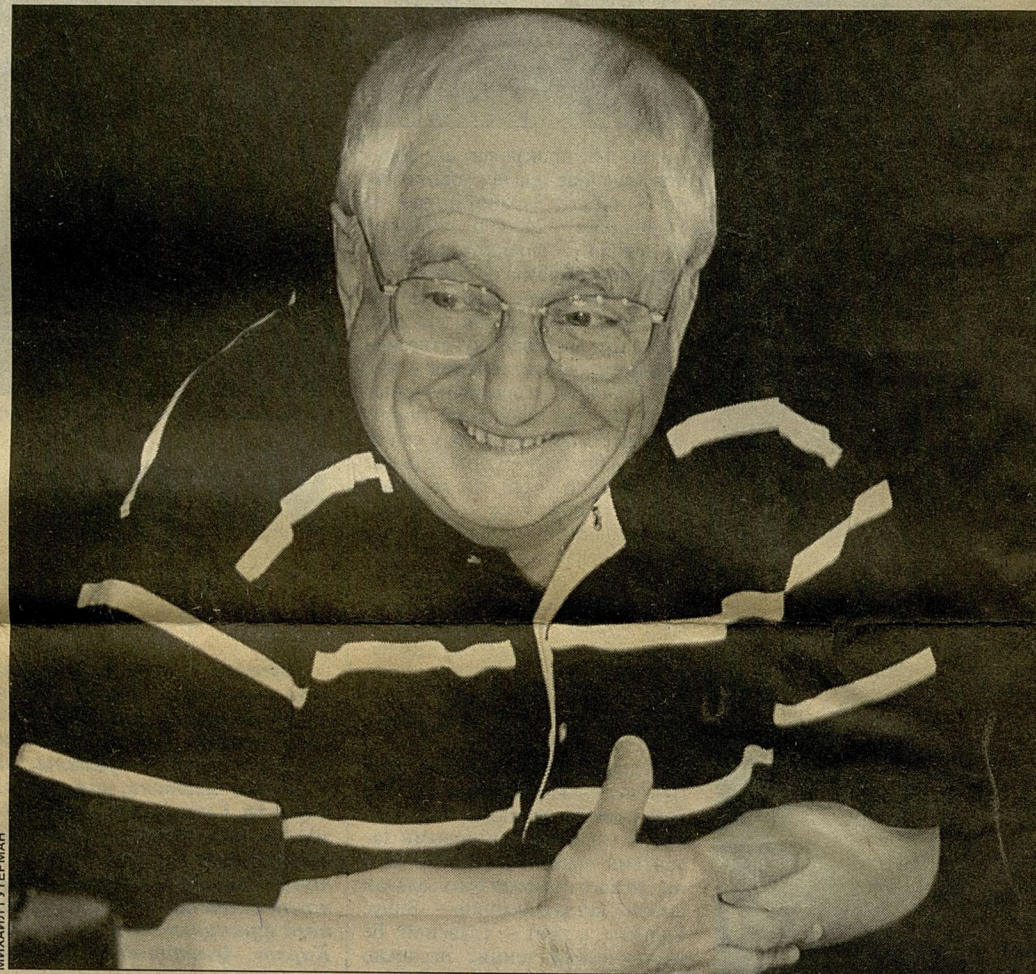
— Мелькают и у американцев такие кадры — оригинальные, странные и неожиданные. Но хорошие режиссеры почему-то ими не хвалятся. Кадр мелькнул и тут же сменился новым. А чтобы долго замереть и радоваться визуальным эффектам... Еще Феллини заметил, что павлин на снегу в «Амаркорде» в эпоху глобального телевидения десять минут просуществовать уже не сможет. Он может мелькнуть, обрадовать нас, остаться в подсознании, но не может быть темой доминирующей и самодовлеющей. Эти домашние павлины — самая негативная часть наших впечатлений.

— Болезнь назовем нарциссизмом?

— Удивляет пренебрежение прокатом. Нельзя же совсем не думать о том, заинтересует ли кино зрителя! Я не за то, чтобы снижать критерии и подстраиваться под сериальные вкусы. Но даже образованный человек все-таки хочет получить удовольствие от посещения музея, карнавала или кинотеатра.

— На вас обрушился поток — с ним обрушились интересные идеи?

— Тогда вернемся к «Даун-хаусу». Не могу сказать, что я очень увлекался Толстым и Достоевским, вдруг прочитал у Хармса: Пушкин любил кидаться камнями, как увидит камень — так берет и бросает. Или: шел-шел, спотк-

нулся, фу ты, черт, — Гоголь! А в результате Хармс выстроил очень своеобразную стилистику. С новым юмором — странным, он воздействует не на идейно-смысловые центры, а на подсознание, на тонус нашего существования. Авторы «Даун-хауса» стилистически точно его организовали и продумали в жанровом отношении. Они создали произведение, в котором есть эстетическая ценность.

— А вам не показалось, что авторы перекормили героев пургом и дали установку на самодовлеющий энурез?

— Нет, они как раз удержались на лезвии бритвы. Хотя, допуская, перебор есть. Мне понравился «Нежный возраст» Соловьева. Сцена с чеченской войной длится несколько минут, но по ужасу, беспробности и абсурду происходящего западает в память. Сначала озадачила фрагментарность фильма, но потом я подумал, что рассказ о любой жизни состоит из таких деталей — странных, радостных, постыдных, неприятных, счастливых. И еще я позавидовал Карену Шахназарову за начало его фильма «Яды, или Всемирная история отравлений». Здесь есть что-то от Зошенко: приходит сосед поест котлеток, уединяется с женой хозяйина в ванной, и когда хозяйин в тревоге туда стучится, жена ему говорит: «Олег, как тебе не стыдно!» Замечательно.

— Если бы весь фильм удержался на этом уровне!

— Тогда это был бы шедевр. Но дальше все пошло добротно и красиво, под некоторым влиянием «Мастера и Маргариты» (хотя,

возможно, это субъективный домысел) — начался костюмный фильм, и я его вполне оценил, но не так высоко, как начало, которому позавидовал. И жал, что такой финал. Я бесконечно люблю Карена Шахназарова как художника и деятеля нашего кинематографа, но мне кажется, что снимать надо, когда финал уже придуман.

— Я считаю вас создателем целой школы в нашем кино. Но в кино, как и в театре, вы человек идеи. И герои ваши робинзуды — выходили с сознанием, что и дракона можно одолеть. От такого направления ума не было скучно на кинопросмотрах?

— Меня волновало, сможет ли кино удержать внимание зрителей. Мы сейчас в эпицентре такого информационного взрыва, последствия которого до конца не осознаем. Он даже экологически небезопасен.

— Но ведь то, о чем говорил Евгений Шварц, стало неактуально: добро и зло поменялись местами, словом «романтика» ругаются.

— Искусство развивается причудливым образом: то много режиссеров, то почти совсем нет, то шедевр за шедевром, то наступают всеобщие уныние. Но всегда будет интересна человеческая история, к которой я каким-то образом подключаюсь: она задает меня, мою жизнь, тревоги, комплексы, химеры. Вот я преподаю в Российской академии театрального искусства. И мы делаем этюд, когда, читая японскую поэзию, юноше очень хочется коснуться руки девушки, и она тоже очень этого хочет. Оба смущены

оттого, что в момент чтения таких стихов их тянет на чувственный контакт. Хотя эротическая энергия — первое, что организует настоящий энергетический контакт между людьми. И я думаю, это вечная тема, которая будет всегда. Здесь все сложности, перепады и зигзаги человеческих отношений. И даже отношений с государством, которое тоже принимает различные облики: то это сила тупого подавления, то распада, то сила, которая подбадривает и зовет к добрым акциям. Это разнообразие жизни человека на земле в короткий период от рождения до смерти всегда будет интересно.

— Вас устроил уровень сценарного и режиссерского мышления в фильмах? Уровень актерского умения? Увидели ли вы потенциально крупные таланты? Будущих Евгениев Леоновых?

— Если брать такую планку — ничего похожего, хотя качественные работы были. Ясно, что наше кино сейчас на спаде. Хорошо, что пришло много новых людей, но произведений, которые изумляли бы новизной и стали бы открытием, как когда-то «Девять дней одного года», «Баллада о солдате» или «Комиссар», на горизонте нет.

— В вас удивительно совместились два имиджа: выходя после спектакля на поклон, вы производите впечатление человека прагматичного, слегка циничного и скептического. В спектаклях и фильмах вы чистейший романтик и всегда стремились, чтобы каждая вещь становилась общественным событием — от «Тили» до «Шута Балакирева». Но если

взять контекст сегодняшнего искусства, не покажется ли это все принадлежностью прошлого?

— Наверное, мной движет амбициозность или даже тщеславие — чтобы «Ленком» был театром посещаемым, чтоб спрашивали билеты, чтоб он привлекал и театралов, и тех, кто зашел впервые. Знаете, у нас только один раз был полупустой зал — когда после событий у Белого дома мы раздавали бесплатные билеты и еще раз убедились, что зрительская психология требует изучения. Льготные билеты теряют в глазах зрителя свою ценность, а когда билеты очень дорогие — зритель больше аплодирует: хочет себя убедить, что не зря заплатил деньги. А что касается имиджа... я часто делаю глупости, но сохраняю важную физиономию. Вот даже зашел в кабинете прозрачные двери — актеры проходят мимо и видят, как я обдумываю стратегические планы. А на самом деле в этот момент у меня, возможно, нет ни одной мысли в голове. И я как раз человек нерациональный, во мне бушует «авось», русские ширь и удал, хотя намешано много всего — есть корни русские, татарские и еврейские. Романтизм, наверное, превалирует. И радость бесшабашная, часто немотивированная. Но я просчитываю. В последнее время просчитываю две вещи: финал первого акта и финал спектакля. И еще просчитываю, чтобы проект был интересен уже на уровне афиши. Если на афише написать: «Вишневы сад», Захаров — не дай бог! На это я не решаюсь.

— А как же «Феллини: Сатирик»? Через двоеточие?

— Мысль хорошая, спасибо.

— С таким складом характера и потребностью в радости — как все-таки вы не уснули в кинозале?

— Всегда современники были недовольны своей драматургией. Если бы трагически не окончилась жизнь Грибоедова — что бы о нем говорили? Исписался старик, после «Горя от ума» ничего создать не смог! Я сейчас занят воспитанием нашего молодого артиста Фролова — шута Балакирева. Он в ГИТИСе был весельчак, травил анекдоты, байки рассказывал, вокруг всегда был хохот. Мне это ужасно не нравилось, потому что есть закон: если человек весел за кулисами, то на сцене он тихий. И наоборот. Каким занудой был Аркадий Райкин! Тот же Леонов был такой самоед — вечно сомневался в себе, в тебе, в пьесе... Настоящий комик бережет себя для того, чтобы выбросить энергию на сцене. Так вот, к Фролову я просто запретил подходить — чтобы он был один и думал. Занялся бы медитацией или молитвой. Или что-нибудь читал. Я его убедил в том, что мы будем растить из него настоящего комика, если он поддается нашим усилиям, что пока неизвестно. И так его запугал, что он в последний период жался по углам и ни с кем не разговаривал. Что же касается меня самого, то я комиком себя не считаю, но человеком веселым — да. Так что друзья называли меня «Мрак Анатольевич» совсем не случайно.

10.07.01

Захаров Марк